

Комаев Александр Юрьевич

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Общетеоретические подходы к определению экстремизма

Аннотация. В настоящей статье анализируются некоторые общетеоретические положения понятия экстремизма. Отмечается, что различные проявления экстремизма, множество отличий в каждом конкретном случае вызывают споры о принципиальной возможности правовой оценки этого явления.

Ключевые слова: идеология; экстремистская деятельность; этносоциальный экстремизм; религиозные проявления.

В обыденном понимании под экстремизмом, как правило, подразумевается деятельность, направленная на подрыв основ государственного строя, ведущая к нарушению стабильности и равновесия сил в мире. Вместе с тем даже это предельно общее понятие не отражает всех сторон изучаемого явления. В научном сообществе также не существует единого подхода к определению понятия «экстремизм». Многократно предпринимаемые в последние годы попытки раскрыть сущность этого явления с правовой точки зрения так и не привели к выработке позиции, которая принималась бы хотя бы большинством экспертов.

В работах ученых-правоведов экстремизм предстает многоликим социальным явлением, которое проявляется в различных формах, возникает в условиях социально-экономической нестабильности в обществе, национальных, политических, расовых и религиозных конфликтах. Между тем необходимость создания единого подхода к определению экстремизма (экстремистской

деятельности) очевидна. Выработка наиболее полного и в то же время емкого определения, которое распространялось бы на различные смысловые аспекты этого сложного и многогранного явления, не является сугубо теоретической задачей.

Существующее в законодательстве определение экстремистской деятельности неоднократно подвергалось критике за расплывчатость и направленность на защиту интересов представителей власти, а не всего общества. В то же время исследуемый вопрос непосредственно затрагивает интересы различных социальных групп, и существующие научные разработки сильно подвержены их влиянию. Все это в совокупности с отсутствием четкого понятийно-терминологического аппарата снижает эффективность деятельности правоохранительных органов и ведет к нарушению единообразия судебной практики.

Для выработки определения экстремистской деятельности следует рассмотреть основные позиции по этому вопросу. В общеупотребительном смысле экстремизм – это «приверженность к крайним взглядам и мерам» [7, с. 942]. Такое определение не позволяет определить качественные черты данного явления и не отвечает целям настоящего исследования. Например, не совсем ясно, что понимать под взглядами, а что – под мерами и какие из них следует считать «крайними». Попытку адаптировать это определение к правовым нуждам предпринял В.В. Бирюков, указавший, что под «взглядами» в этом определении с определенным приближением можно понимать «идеологию, идейные убеждения, не всегда связанные с какими-либо практическими, тем более противоправными действиями...» [5, с. 38]. «Меры», по его мнению, предусматривают совершение «каких-либо конкретных действий, в том числе насильственных, направленных на свержение конституционного строя или дестабилизацию ситуации в стране...» [5, с. 39]. Не подвергая детальной критике эту позицию, нужно указать на трудность определения момента перехода приверженцев той или иной идеологии к конкретным мерам. Например, можно ли считать «крайней мерой» произнесенную на законных

основаниях речь, вдохновившую группу лиц на погромы, – придется определять экспертам.

Выработанные по этому вопросу самостоятельные научные концепции также вызывают вопросы.

Например, А.Г. Хлебушкин видит в экстремистской деятельности «способ радикального отрицания общественных норм, основанный на приверженности крайним взглядам и действиям» [10, с. 28] В этом случае имеет место расширительное толкование и предложенное понятие охватывает чрезвычайно широкий круг правоотношений. При этом происходит сужение, умаление прав и свобод граждан и общественных объединений, что недопустимо и противоречит принципам международного права и Конституции РФ.

Интересного взгляда на экстремистскую деятельность придерживается Р.А. Амирокова. Она считает, что экстремистская деятельность – это «многомерное и сложное социальное явление, выступающее и как идеология (философия), и как практика, и как механизм этносоциальной и религиозной мобилизации, и как принцип и инструмент политической жизни» [4, с. 11]. Представляется, что подобный симбиоз не может служить основой для установления характерных особенностей такого правового явления, как экстремистская деятельность. Это связано с тем, что здесь нет указаний на противоправность того или иного деяния, мотивы совершения преступления и прочих необходимых моментов юридической квалификации.

На международном уровне действует Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [1]. В ней под экстремистской деятельностью понимается какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, на насильственное изменение конституционного строя государства, насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований и участие в них (п. 3 ст. 1 Шанхайской конвенции) [2]. Думается, что подобное

определение более точно характеризует рассматриваемое явление, однако в нем отсутствует указание на важную качественную сторону экстремистской деятельности – экстремистских мыслей и суждений.

Определение «экстремистской деятельности» рассматривается в российском законодательстве в двух нормативных правовых актах – в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и в Уголовном кодексе РФ. Причем, как отмечается в юридических исследованиях, формулировки понятий «экстремистской деятельности» в них не совпадают, что позволяет некоторым авторам критиковать подобный подход законодателя.

О.Н. Коршунова пишет, что после принятия Закона о противодействии экстремизму в уголовное законодательство были внесены поправки, призванные привести его «в соответствие с подходами, сформулированными в Законе», однако констатировать, что «проблема с определением понятия преступления экстремистской направленности решена, не представляется возможным» [6, с. 151].

Принимая во внимание сложность законодательного определения экстремистской деятельности, можно объяснить стремление законодателя урезать правовую оценку понятия «экстремистская деятельность»: перед правотворческим органом стоит конкретная задача закрепить ответственность за наиболее опасные экстремистские действия.

Определение понятию экстремистской деятельности дано в примечании к ст. 282.1 УК РФ. Однако в указанной норме говорится о выделении экстремистских преступлений только на основе особенностей мотивов. Представляется, что относить все преступления, совершаемые по перечисленным в указанной статье мотивам к экстремистским неоправданно. Кроме того, важную роль в подобном определении должны играть не только мотивы, но и характеристика действий виновного лица.

Несмотря на различные подходы к толкованию экстремистской деятельности, для него типичен ряд признаков и характеристик. К ним следует отнести следующие признаки: осуществление определенной деятельности

(простая приверженность к крайним взглядам, мнениям, оценкам не может считаться экстремизмом); противоправность; отрицание инакомыслия и нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, религиозных и др.); идеологическая направленность. При выработке определения экстремистской деятельности необходимо учитывать, что все указанные признаки не только имеют место, но и в большинстве случаев тесно взаимодействуют, вытекают один из другого, имеют неразрывную внутреннюю связь. Большинство из них присущи любому экстремистскому движению.

Таким образом, под экстремизмом (экстремистской деятельностью) следует понимать противоправную деятельность юридических и физических лиц, основанную на приверженности крайним взглядам и сопровождающуюся отрицанием инакомыслия и нетерпимостью к сторонникам иных взглядов, идеологически направленную на умаление и отрицание основ государственного строя, принципов международного права, общества и государства.

Литература

1. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. №41. Ст. 3947. (Ратифицирована Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 155).
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 30.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон №114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.11.2015) // Российская газета. 2002. № 138-139.
4. Амирокова Р.А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России: Дис. ... канд. полит. наук. Черкесск, 2006.

5. Бирюков В.В. Опасность экстремизма и возможности уголовно-правовых мер борьбы с ним. // Адвокат. 2007. № 9.
6. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008.
8. Телегин Г.И. Основные этапы формирования экстремизма как противоправного деяния в России // Юридический мир. 2013. № 1.
9. Хлебушкин А.Г. Квалификация деятельности экстремистской организации // Законность. 2012. № 3.
10. Хлебушкин А.Г. Преступления экстремистской направленности // Российский следователь. 2011. № 24.

© Бюллетень магистранта 2016 год № 3